

ДИАЛОГИ

В данной рубрике мы представляем записи, транскрипции бесед, проходящих в уникальной и деликатной атмосфере. В отличие от дебатов, в этих беседах нет конфронтации, нет страха и недоверия. В этих беседах нет жесткого распределения власти: я – спрашиваю (и только спрашиваю), а ты – отвечаешь (и только отвечаешь), спрашивающий и отвечающий могут меняться местами, а суть разговора не заиклена на необходимости переубедить собеседника. Мы называем эту рубрику «Диалоги».

21 сентября 2012 г. умерла беларусская активистка, волонтер и правозащитница Кристина Шатикова. Многие помнят ее по «палаточному городку» после выборов 2006 г. и по совместному участию в многочисленных акциях солидарности и мирных протестах. Кристина поражала своей смелостью, бескомпромиссностью и тем, что она *всегда* вставала на сторону тех, в отношении кого, как она считала, была совершена несправедливость. В этом для нее не существовало ни границ, ни граней. Казалось, что этика человеческих взаимоотношений, которую она сформировала внутри себя как результат огромного жизненного опыта общения, всегда стояла для нее выше морали, предложенной извне. Ведомая своей верой в справедливость и в то, что только в демократическом государстве она может вырастить своих детей свободными, ответственными и счастливыми, она с легкостью пересекала условности границ общественного мнения и установившегося порядка. Сильная, наивная, жесткая, заботливая, сложная, противоречивая, резкая, отзывчивая к чужому горю, легкая на подъем, яркая личность. Ее арестовывали, похищали, избивали, угрожали, мучили при задержании, отправляли в психиатрическую лечебницу, пытались отобрать детей, запугивали, однако не смогли сломить. Кристина умерла от рака в Могилеве. Ей было всего 37 лет.

Ниже приведены отрывки из ее интервью, которым мы хотим почтить память этой замечательной женщины. Интервью было взято весной 2006 г. для специального выпуска бюллетеня Женского Независимого Демократического Движения «Мы - Женщины», посвященного опыту женщин, находившихся в палаточном городке, установленном в марте 2006 г. в Минске в знак несогласия с результатами президентских выборов. Кристина была арестована в ночь с 23 на 24 марта во время зачистки лагеря и была отпущена 27 марта 2006 г.

Редакторы альманаха

ИНТЕРВЬЮ С КРИСТИНОЙ ШАТИКОВОЙ†

Корреспондент: Кристина, что тебя побудило участвовать в событиях 19-25 марта?

Кристина Шатикова: Мой брат – Дмитрий Завадский, который пропал. Это был мотив, который помог переступить страх. Но есть и другие – и то, как мы живем, и то отношение, которое к нам проявляет власть. Очень мне не нравится, когда из меня делают идиотку.

Корр.: А как отнеслись твои родители к тому, что ты приехала и активно участвовала во всех событиях?

К.Ш.: Они очень переживают, очень боятся за меня. Они, конечно бы, предпочли, чтобы я оставалась дома, потому что я для них ребенок. Для детей я мама. Но дети поддерживают меня.

Корр.: Не могла бы ты сейчас как можно подробнее восстановить все свои чувства, мысли, которые возникли у тебя с первого дня твоего пребывания в лагере до его ликвидации и твоего ареста?

К.Ш.: Мы думали, что палатки будем ставить 19-го вечером. Но люди пошли к Вечному огню и разошлись. Мы с друзьями поехали домой. К утру настроение было ужасное. Я не могла понять, почему не было палаток. Выставлять их надо было 19-го. Ведь в противном случае, зачем было тогда выходить на площадь?! Результаты-то выборов были очевидны и так. И мой друг, Олег Калита, на это сказал: «Мы пойдем, купим палатку сегодня и поставим ее». И когда мы шли на площадь, то, встречая знакомых и незнакомых людей, мы говорили

† Печатается с разрешения Женского Независимого Демократического Движения.

им, что сегодня ставим палатку. И если хотите, то присоединяйтесь. И люди стали говорить, что они тоже сейчас подойдут. Тогда к нам стали подходить люди из некоторых организаций, стали говорить, что подождите, надо решить. Но мы ответили, что вы там решайте, а мы будем выставляться. И они стали присоединяться. Это было 20 марта. В первую ночь нас было 70 человек.

Это была самая сильная ночь, самая главная и самая тяжелая. Даже не та, когда нас забирали, потому что именно тогда мы переступили черту. И страха не было. Просто никто не строил планы: как надо делать, как не надо делать этот палаточный городок. Люди просто взяли и остались. По требованию своей совести. Потом появлялись люди, которые вообще ничего не знали, но приходили. За три дня, которые мы стояли, собрать такое количество людей и показать, что мы есть, – это большое дело. Вообще, если бы все те, кто боится, но против, если бы они только один раз на пять минут вышли на улицы, не на площадь, но каждый на свою улицу, то все – никакой революции не потребовалось бы.

Когда мы дождались первого утра, в тот момент мы победили. Власти были, вероятно, в панике. А паника и разум – понятия несовместимые. Хотя наши власти и разум – понятия тоже несовместимые. Если бы нас сняли тогда, в первую ночь, – это была бы большая остановка в нашей борьбе, большой шаг назад. Это не было бы поводом для того, чтобы опускать руки и ничего не делать, но в то же время пришлось бы подниматься практически заново.

Корр.: А как было в палаточном городке?

К.Ш.: Пенсионеры, которые стали приходить в первый наш день, кто-то плевался и потрясал кулаками, кто-то нас поддерживал. Так что странно говорить о пенсионерах как о тех, кто голосует только за Батьку. Странно такое говорить о людях, которые когда-то в войну пошли и рисковали, погибали для того, чтобы отстоять свою Родину. А потом было просто много работы, потому что постоянно появлялись новые палатки, приходили люди.

Люди приносили много теплых вещей, еды было много. Я просто потрясена поддержкой людей. Люди, которые были в

палаточном городке, – они герои. Но этих бы героев не было, и меня не было, если бы не было тех, кто помогал нам стоять, приносил одежду, еду, лекарства. Победа была благодаря этим людям. Мы стали в первый день, но выстояли мы только благодаря им. Они рисковали тоже. Они пришли и поддержали не голодных людей, но тоже отстаивали свою правду. Эти люди подходили и просто говорили: «Спасибо вам».

Даже то, что сейчас мы встречаемся, – это тоже элемент победы. Объединенных людей стало больше. И у каждого из нас есть свои друзья, которые поддерживали, но не вышли. Но после того, как они увидели, что мы можем, после того, как они пережили, что мы были в тюрьмах, они уже выйдут. Они уже переступили это.

Внутри лагеря всегда и постоянно было здорово. И это невозможно объяснить. Там было очень холодно, там была куча проблем, там были провокаторы, но по той атмосфере скучают все, кто там был. Там было потрясюще свободно. Это был такой островок свободы. Хотя, наверно, не островок, а кусочек. Потому что «островок» предполагает, что вокруг «брудная»¹ вода. Так вот этой «брудной» воды нет. Людям нужно помочь. Если те, кто вышли, они сами справились с генетически внедренным в нас страхом, то остальным надо помочь избавиться от страха. И в принципе это удалось.

Корр.: Как обстояли дела с «зачисткой»? Люди знали об этом?

К.Ш.: О том, что зачистка будет, все предполагали, все знали. На второй день пошли слухи, что нас все бросили, кандидаты бросили. Люди стали, конечно, волноваться, их начал беспокоить этот вопрос. Но потом мы поговорили и пришли к выводу: «А что значит бросить нас? Нас бросить никто не может». Мы стояли на площади не ради кого-то. Да, я голосовала за Милинкевича, кто-то за Козулина. Но люди стояли не за них, а за себя и своих детей.

Мы все знали, что зачистка будет или 23 или 24 [марта 2006 г.]. Я была уверена, что 23, поэтому утром, впервые за все дни, проведенные в лагере, поехала к знакомой девушке-журналистке помыться и пару часов поспать, потому что знала,

¹ *Брудны* – «грязный», «нечистый» по-беларусски, часто употребляется для обозначения моральных качеств – «неопрятный», «нечистый на руку» и пр.. *Прим. ред.*

что предстоящая ночь будет тяжелой. К вечеру собралось много ОМОНа, КГБ. Мне позвонили ребята, которые живут поблизости, и сказали, что подтягиваются автобусы, автозаки. Я предупредила людей, которые были в лагере. Потом приехал Павличенко. Потом пошли провокации: то пьяных девок к нам подгоняли, которые на фоне нас занимались абь чем, чего там только не было. И было ясно, что будут забирать.

А потом буквально в одну секунду все произошло, когда подъехали машины. Самый страшный момент, когда выключилась музыка и наступила тишина. Это длилось мгновение. Вот это было страшно, когда ты понимаешь, что ты только что с этими людьми разговаривал, а сейчас их будут бить, а потом неизвестно что будет – увидишь ты их или нет. После того как была дана команда наступать, часть омоновцев тут же кинулась на цепочку и давай ее раздирать. Если кто-то сопротивлялся – его за волосы и ногами. А часть омоновцев, она только с третьей команды пошла. Не было такого, что весь ОМОН понесся и всех начал избивать.

Корр.: За все это время, чего ты боялась больше всего?

К. Ш.: Боялась, что потеряю людей. Когда в автозаках нам сказали, что везут нас закапывать, я боялась, что действительно с людьми что-то сделают.

Корр.: А что тебя поддерживало?

К. Ш.: Там души были настолько обнажены. Там не было понятия «узнать кого-то поближе». Обычно мы в жизни боимся себя открывать, чтобы не обидели, не задели. И чем сильнее человек в жизни, тем на самом деле он слабее. Потому что эта сила рождается из-за слабости. Сила – это когда ты себя цементируешь, цементируешь от страха того, что тебе сделают больно. А все сильные люди, на мой взгляд, это те же самые ежики. Так вот в лагере все те самые ежики раскрылись, потому что никто не боялся, что ему будет больно. И когда сейчас встречаешься с людьми, то вот это родство – оно осталось. Именно это родство поддерживало. Там я впервые в большом количестве встретила все настоящее.

Корр.: А как ты видишь свое будущее?

К. Ш.: Когда не будет Лукашенко, я заведу собаку. Потому что собака требует постоянного ухода, а я не могу быть дома, пока такое происходит в стране. Конечно, я не буду останавливаться. Сейчас будущее – это только одно – добиваться того будущего, которое не только для меня, но общего будущего. И, естественно, растить детей. Сейчас мое единственное желание, чтобы те люди, которые все-таки нашли в себе силы переступить свой страх и выйти, не разочаровались в том, что они сделали.

Март 2006 г.